

РУССКИЙ СТАРЕЦ

Вот уже сколько лет на благословенной Пензенской земле нес великий подвиг служения Богу и ближним святой старец Иоанн Оленевский. Это был 1946 год, а старцу шел 86 или 87 год. Уже не было на свете некоторых из тех, кто гнал его, а угодника Божия хранил Господь для спасения душ человеческих, ибо был он, как светильник в густом мраке безбожной тьмы. Святой Иоанн с самого рождения был предызбран от Бога. Изначально в нем была заложена горячая любовь к храму, святым угодникам, православному отечеству. От юности ради Христа он подъял на себя великие подвиги христианских добродетелей, которые возделывал в сердце всю свою жизнь, совершая духовное восхождение в горний Иерусалим.

В молодые годы отец Иоанн был весьма благообразен и даже красив внешне. Его правильные утонченные черты лица – прямой нос, высокий лоб, чистые глаза, ниспадающие на плечи волосы – придавали ему образ человека совсем не крестьянского, а скорее благородного, знатного происхождения. Такого молодого человека, казалось, подстерегало множество соблазнов и искушений. Но кроме внешнего благообразия, его облик нес печать непорочности, внутренней чистоты и святости. Еще в начале своей жизни юноша, видимо, дал Богу обет девства и на всю жизнь облекся в ризу целомудрия и чистоты. По учению святых отцов, девство есть высочайшая пред Богом добродетель. Преподобный отец наш Феодор Студит говорит:

«Девство – добродетель, достигающая до небес». Она же одна из самых трудно стяжаемых и редких добродетелей. Архимандрит Фотий Спасский вот что говорит о ней: «О, как пресладкий плод девства святаго с трудом многим и весьма редко ныне прозябает, цветет и созревает, в честь и жертву живу Господу! Кто еси ты, о, девственник ныне таков...». Святой старец Иоанн действительно был таков. Всю свою жизнь из любви к Богу он нес подвиг девственной чистоты. Однажды зашла речь об известном подвижнике Пензенской земли, священнике Николае Болоховском (1869 – 1926), который подвизался в селе Стяжкино Наровчатского уезда. Старец знал его и очень почитал, но тут же в разговоре отметил, что стяжкинский батюшка был семейный, а он безбрачный. Так старец подчеркивал значение и высоту девства.

Рядом с подвигом целомудренного жития стоял другой известный подвиг старца – строгое постничество, направленное на борьбу с естеством. *Ибо царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир, и радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17). С детства святой был великим воздержником. Рыбу не ел, о мясе не было и речи. Понемногу вкушал вареную картошечку, грибы, овощи, изредка – яйца, причем, всех угощал печеными или вкрутую вареными, а сам по болезни ел всмятку. А готовилось яйцо всмятку так: прочитают трижды «Богородицу» с момента закипания воды – готово яйцо. Хлеб он никогда не кусал, а обычно разломит булку на мелкие кусочки, мякиш потихоньку в рот кладет, а корку отдаст своим послушникам. Интересно его отношение к пище. Батюшка принимал ее только из знакомых рук. Он прозревал, каким путем был добыт хлеб насущный – лихим или праведным, как готовилась стряпня – с молитвой или с нерадением и сквернословием. Тут был такой случай. Однажды, это было в конце 40-х гг., Нина Григорьевна Носова принесла батюшке муку, но к ее удивлению старец муку не взял, сказав: «Ты ее обменяла на пса». Действительно, время было голодное, а у Нины была большая породистая собака, которую она отдала в обмен на муку. В этом случае старец увидел нечистоту в муке, приобретенной через пса.

Еще одним подвигом, в коем старец пребывал непрестанно, во всякое время и на всякий час, была молитва. *Бдите и молитесь, да не внидите в напасть*, - рече Господь. По воспоминаниям послушника Александра, «старец с детства молился тайно, убегал в конопли, в кустарник – искал уединения». День и ночь не выпускал старец из рук орудия молитвы – четок. Молиться любил больше в ночное время, уединенно, сосредоточенно, коленопреклоненно. Так он молился ночами в своей келье при льющемся свете неугасимой лампы или уходил на время в пустынное место. О келейной ночной молитве старца мы узнаем со слов духовной дочери его Евдокии Кучеровой,

у которой старец скрывался в 1932 – 1933 годах. От нее стало известно, что отец Иоанн вставал на моление ночью, полагал помногу поклонов, плакал, и плач его переходил в безутешное, горькое рыдание¹⁹². Так он печалился и скорбел «за всех и о вся». Не желая, чтобы кто-либо знал о подвигах его, старец велел Евдокии никому не рассказывать об этом. Именно поэтому, чтобы скрыть свои ночные подвиги от людей, он никого не благословлял ночевать в своей келье. Свидетелями келейной молитвы старца были лишь немногие из его родственников.

Кроме кельи, излюбленными местами молитвы старца были соседний лес и святой источник в овраге, в той части села, что именуется Дегтерёвкой. Предание говорит об этом источнике, что он забил в момент рождения старца. Батюшка Иоанн Оленевский считал этот источник своим и советовал приходящим брать

из него целебную святую воду. Лес, куда уходил молиться старец, он называл безгрешным, подолгу молился здесь и приходил радостным, просветленным. Однако враг, не вынося молитвенного подвига святого, ожесточенно нападал на него. Бывали случаи, когда батюшку находили здесь привязанным к дереву или сильно избитым. Так, по рассказам сельчан, первый раз его нашел в лесу привязанным к дереву крестьянин Иван Морозов. В другой раз сильно избитым его нашел секретарь сельсовета Василий Андреевич Макаров. Этот Макаров благоволил старцу, почитал его и всегда жалел. Проезжая однажды по лесу, он услышал стоны, подобрал батюшку и привез домой. Неоднократно на старца нападали в его келье. Он сам рассказывал своему послушнику Шурке Борисовскому, что в келью дважды врвался какой-то человек, стаскивал его с топчана, избивал, переворачивал все вверх дном. Почему враг столь ожесточенно нападал на него? Ответ на этот вопрос есть в словах самого отца Иоанна: «...я молился за всех», – говорит он. Именно эта молитва за всех и вызывает лютую ненависть и страхования от врага рода человеческого – дьявола. И только человек высокой жизни способен на нее. Многолетние ночные бдения и стояния отца Иоанна, слез-



Наедине с Богом

ная, сокрушенная молитва за весь род человеческий, безчисленные земные поклоны вменялись старцу уже в другой вид подвижничества – столпничество.

Хотя келья старца никогда не затворялась от людей, святой часто проводил время в безмолвии. По учению святых отец, эта добродетель не что иное, как уединенное пребывание в келии своей с разумом и страхом Божиим, в памятовании Бога, то есть в различных видах молитвы. Некоторые могут возразить, что при таком потоке людей об уединении не могло идти и речи. Но, принимая приходивших к нему, старец не прекращал молитвы, его ответы были удивительно краткими, и внутренний его мир не разорялся многословием. А чем как не уединением были его уходы в лес, на родник, в поле, где старец, созерцая природу – ризу Господню, прославлял Бога, уходя в молитвенную глубину.

Замечательной добродетелью старца Иоанна Оленевского было памятование о смерти. *Помни час смертный*, – говорит св. апостол, – *и вовек не согрешишь*. Около 30 лет ходил он молиться в одно и то же место на оленевском кладбище, где по его пророчеству должно быть ему упокоену. Это подтверждается и рассказом послушника Александра Ивановича Комарова, который сказывал, что в 1947 или 1948 году в сопровождении двоюродной сестры Натальи отец Иоанн ходил на оленевское кладбище. Шли долго, старец часто останавливался, а когда, наконец, пришли, он указал Наталье место своего погребения. Это было то самое место, где в 1951 году захоронили старца. Но батюшка предвидел, что место сие будет не только его могилой, но и местом обретения его гроба*, который еще задолго до кончины был приготовлен старцем, как напоминание о часе смертном. Примеры подобного памятования о смерти мы находим в житиях многих святых отцов и подвижников благочестия. Так, еще при жизни просил себе сделать гроб великий угодник Божий преподобный Серафим Саровский, чтобы чаще вспоминать о смертном часе, яснее представлять и ближе видеть его перед собой. Преподобный Лука Елладский с той же целью ископал в своей келье ров и на ночь ложился в этот земляной гроб, как бы умирая и погребаясь. Преподобный Евфимий Суздальский по благословению епископа высек

* Этот гроб аккуратной работы и не совсем обычной конструкции современные христиане имели возможность видеть во время вскрытия могилы старца в августе 1996 года. Это великое в истории Пензенской епархии событие было запечатлено в документальном фильме, снятом пензенскими телекомпаниями. Спустя 45 лет гроб полностью сохранился, впоследствии он был расщеплен на множество частей и роздан верующим как святыня, за исключением лишь одной доски, которая хранится у бывшего священника соловцовской церкви о. Александра Егорова.

топором каменный гроб в стене алтаря, где после смерти было погребено его тело. Преподобный Зосима Соловецкий также заблаговременно уготовал себе гроб и, часто взирая на него, плакал, всегда помышляя о смерти. Перед кончиной приготовил себе гроб равноапостольный Аверкий, епископ Иерапольский. Раздав свое имущество нищим и убогим, попросил себе доставить новый гроб святой праведный Филарет Милостивый.

Святой наш старец Иоанн Оленевский, уподобляясь этим святым, просил одного крестьянина сделать ему гроб еще за несколько лет до смерти. Батюшка хранил его у себя в келье, на подложке. Он говорил: «Я дома из гроба встаю и в гроб ложусь». В этот гроб старец и был положен по кончине и теперь уже на 45 лет, до момента обретения его святых мощей 5 августа 1996 года. Само же памятование о смерти как христианская добродетель есть плод глубочайшего смирения, вменения самого себя ни во что, в прах, ногами попираемый. *Земля ты еси, в землю и отыдеши*. Господь из праха создал человека, в прах и обратит его до всеобщего воскресения мертвых. И на суд Божий пойдет не тело, а душа со своими добродетелями и грехами.

Так посредством размышлений о памяти смертной, которая была присуща старцу, мы подошли к двум другим его подвижническим качествам – великим смирению и терпению. Этими главнейшими христианскими добродетелями было проникнуто все житие святого Иоанна и особенно время гонений. Глубокое смирение подвижника прослеживается во всех протоколах его допросов, которые отличаются удивительной детской простотой и безхитростностью. Свидетельством этой добродетели были и частые напоминания послушнику Александру молиться о нем как о большом грешнике: «Шурка, я грешный, молись обо мне». Что же касается терпения, то оно сопутствовало всем скорбям, выпавшим на долю старца, будь то лишение жилища, обыски, аресты, допросы, заточения, побои, холод, скитания, болезни. Сей подвижник все терпел до конца, хваля Бога подобно ветхозаветному Иову и прощая обидчикам, говоря всегда: «Бог с ними...». Ибо он был *уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 8, 38).

Но самой главной добродетелью всей жизни отца Иоанна явилась его великая всеобъемлющая жертвенная любовь к людям. Один из отцов Христовой Церкви некогда сказал, что исполнение первой заповеди – о любви к Богу, начинается на земле со второй – о любви к ближнему. *Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя* (Гал. 5, 14). И такой любовью обладал старец и, в первую очередь, она проявилась на великом поприще духовного окормления людей.

Крестный путь отца Иоанна в годы гонений, его жертвенное служение человечеству во время войны, богоугодное житие еще более возвысили в народе его авторитет. Он слыл непререкаемым помощником в скорбях, духовным отцом, прозорливцем, великим молитвенником и чудотворцем, исповедником веры Христовой. Для верующих людей образ отца Иоанна уже давно был окружен ореолом святости, они еще при жизни почитали его человеком святым, достигшим высокой степени духовного совершенства. Замечательно и другое. Перед ним, имеющим самое простое, сиротское происхождение, самое низкое образование, смиряли свою гордыню люди высокопоставленные, светские, ученые. Уже само происхождение старца не есть ли взыскательное поучение против высокоумия человеческого? *Ибо незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом* (1 Кор. 1, 28-30). Одним из примеров является посещение старца известным врачом Константином Александровичем Карагизовым. Он родился 25 октября 1916 в селе Дубова Балка Ставропольского края. Окончил Кубанский медицинский институт. С 1941 года заведовал участковой больницей в селе Ленино, обслуживал и соседние села Оленевку и Соловцовку. В эти годы Константин Александрович нередко заходил к батюшке. При встречах он не только справлялся о здоровье старца, но и советовался, как поступить в той или иной ситуации, просил благословение на врачебные труды. С 1947 года по совместительству заведовал райздравотделом. В 1961 – 1986 гг. – главный врач Пензенской районной больницы. В 1959 г. ему было присвоено звание Заслуженного врача РСФСР. В 1961 г. награжден орденом «Знак Почета», в 1971 г. – орденом Трудового Красного Знамени. Скончался 17 июня 2000 года¹⁹³.

Исходя из множества воспоминаний разных людей, к святому обращались за помощью врачи, учителя, председатели советских организаций, начальники тюрем, военные чины; его почитали православные, мусульмане и местные старообрядцы; ходили за советами русские, татары, мордва и цыгане; после встреч с ним обращались к покаянию коммунисты и атеисты; становились на путь спасения малoverующие и некрещеные. Что же влекло к нему людей? «Стяжи Дух мирен, – говорит преподобный Серафим Саровский, – и тысячи спасутся около тебя». За свои добродетели и подвиги, которые с великой ревностью по Боге стяжал святой старец, Господь щедро наградил его благодатными дарами Святаго Духа. Из них наиболее известны дары духовничества, пророчества, исцеления болящих, различения духов, дар видения на расстоянии. Благодать Божия, обильно почивающая на оленевском старце, и влекла

к нему множество исстрадавшихся, духовно искалеченных человеческих душ. Сам же отец Иоанн на одном из допросов очень смиренно говорит об этом: «Зачем ко мне приходили граждане, я не помню. Просто ходили ко мне поделиться своими несчастьями, горем. Они имели ко мне притяжение, как к человеку скромному, непьющему, ведущему отшельнический образ жизни».

Дар духовничества, которым обладал отец Иоанн, был присущ лишь немногим русским подвижникам. Классическим образом все-российского старца-духовника являлся преподобный Амвросий Оптинский. Оленевский старец был в этом подобен ему, с той лишь разницей, что подвиг свой он нес во время жесточайших гонений на Церковь. Паломничество к оленевскому старцу началось еще до революции и не прекращалось несколько десятилетий до самой его блаженной кончины. Почти всю жизнь отец Иоанн прожил в Оленевке, поэтому безчисленные прихожане шли именно сюда. Но во время скитаний, люди находили старца и в других местах. Так, когда он жил в деревне Елизаветино у Кучеровых, верующие разыскивали его и там, что вызвало опасение Евдокии быть арестованной.

Народ шел к старцу стеной, и он принимал каждодневно, несмотря на тяжкие недуги и запреты властей. Люди приезжали не только из ближних селений, но и мест, весьма отдаленных. Сам отец Иоанн на допросе перечислял ряд мест, откуда к нему ходили чаще всего, в их числе были Пенза и Сердобск. Из этих городов люди ехали на пригородных поездах целыми вагонами. Когда поезд останавливался на разъезде Оленевка, вагоны пустели, и большая толпа двигалась в одном направлении. Очень часто ходили пешком: в то время ездить было особо не на чем и люди привыкли ходить на далекие расстояния (по короткой дороге от Пензы до Оленевки было не более 20 км). Каждый шел к старцу со своими вопросами, бедами и скорбями. И всем от него была помощь, для каждого было место в его сердце, каждому он уделял время, находил слова утешения, силы для молитвы, наставлял, предостерегал, указывал спасительный путь. Однако у каждого человека было свое положение, свои грехи, отсюда каждому был и свой прием, иногда строгий. Поэтому по пути к старцу люди молились, некоторые за несколько дней пытались очистить свои мысли и сердце, говели, многие робели – боялись быть не принятыми за грехи, с трепетом ожидали, что скажет старец. Но вот, наконец, толпа подходила к келье, все рассаживались на лужайке, занимали очередь, отдыхали. Время от времени выходила тетя Наталья – келейница старца и его двоюродная сестра, она провожала одного и приглашала следующего человека. Чудеса начинались уже здесь. Некоторых, совершенно не зная, Наталья вдруг называла по имени и приглашала вне очереди. Однако на это никто не

обижался, не роптал, знали – здесь все вершится по благословению старца. Паломничество в келью всегда вызывало реакцию властей. Иногда, особенно во время посева или уборочных полевых работ, людей разгоняли. Узнавали, кто ходил, преследовали. Но почитание старца было настолько глубоким, и слава о нем настолько распростирилась, что все меры пресечения паломничества к нему оказывались бездейственными. Верующие все шли и шли, и потоку этому не было конца.

Когда же человек дожидался очереди и входил в избу, перед ним открывалась следующая картина. В сенях и в самой келье стояло благоухание. В переднем углу кельи висело множество икон разного размера, это были иконы Спасителя, Божией Матери и наиболее почитаемых старцем святых: преподобного Серафима, преподобного Сергия, портрет протоиерея Иоанна Ильича Сергиева (Кронштадтского) и некоторые другие. Перед образами теплилась неугасимая лампада (электричества не было, керосиновыми лампами не пользовались). Тут же под иконами стоял небольшой столик, на котором старец вкушал пищу. На полу перед столиком лежал коврик для земных поклонов. Пол был выстлан массивными половицами, покрыт ничем не был, но от бесконечного потока посетителей казался отполированным. Слева от входа – русская печь, на ней несколько старинных книг – Евангелие, Псалтирь. Справа, поперек комнаты, ближе к углу с иконами стояла вторая – голландская печь. Между ней и входом в келью на высоком, но коротком деревянном топчане, согнув в коленях ноги и укрывшись одеялом, полулежал-полусидел древний, чуть ли не ветхозаветный, убеленный сединами старец. Лицо его от непрестанных постов и бдений было аскетически строгим, иссохшим, почти прозрачным, восковым, казалось, одна кожа обтягивала его. Но вместе с тем выражение лица было добрым, теплым, жизнерадостным. По груди стелилась длинная совершенно белая, но редкая от старости борода. Глубоко посаженные глаза были еще закрыты. Отец Иоанн, казалось, дремал и только четки, все время перебираемые прозрачными старческими пальцами¹⁹⁴, говорили о непрестанно творимой молитве. Над топчаном висела большая картина «Серафим Саровский кормит медведя».

Обычно люди, бывшие на приеме у старца, называют его болезненным, ветхим, слабым, почти столетним, небольшого роста. Другие же описывают отца Иоанна как человека высокого роста, ширококостного, с огромными натруженными руками и лопатой-бородой. Последнее описание привел житель Оленевки, Владимир Иванович Каюков, который ходил к старцу со своей матерью еще мальчиком и был напуган видом отца Иоанна. Владимир Иванович даже высказал сомнение в отношении того, что такого могучего человека кто-то

мог бить. Конечно, здесь важны все воспоминания и детали; одно описание не исключает, а лишь дополняет другое. К тому же в этом мы находим подтверждение, что старец каждый раз виделся разным. Однако Владимир Иванович не совсем точно описывает внешность святого, и его впечатления являются больше плодом детского восприятия. По свидетельству послушника и временного келейника Александра Ивановича Комарова, старец действительно был болезненным и немощным, последние годы ходил совсем плохо, маленькими шажками. Александру приходилось поддерживать его, даже когда старец выходил в сени. Батюшка также страдал и другими недугами, и бывало, посылал Шурку за лекарствами. Что же касается роста отца Иоанна, то он определенно был роста выше среднего, об этом говорит и длина его гроба, обретенного в 1996 году. Однако в последние годы батюшка стал согбенным, «кости его осели» и высоким он не казался. Но вместе с тем Александр подтверждает, что старец действительно имел широкую кость, крупное лицо. Волосы на его голове были зачесаны назад, иногда закручены на затылке в хвостик, но в отличие от белой бороды, они еще имели вкрапления темных волос. Бороды и усов старец никогда не стриг.

Здесь сразу скажем о некоторых бытовых особенностях из жизни старца, которые, естественно, были упущены большинством людей во время коротких встреч, но не могли укрыться от внимательного взора его послушника Шурки. В келье старец был одет по-разному. Часто на нем была длинная, по колено, рубаха, препоясанная пояском с молитвами. Также часто старец был в домашней рясе, поверх которой всегда надевал крест (не наградной, а второй, маленький). Этот крест, особенно во время приемов людей старец всегда держал в руках, смотрел на него, любовался. Иногда во время приемов отец Иоанн надевал епитрахиль, исповедовал. Непременно, в любое время года, в келье старец ходил в валенках – ноги его всегда мерзли. Но когда собирался в церковь, надевал опойковые сапоги. Эти сапоги были сделаны из особой кожи. Родившегося теленка 40 дней поили чистым молоком (отсюда название опойковые), а затем снимали шкуру. Лоскуты кожи сшивались только одним тонким швом – сзади на голенище. Сапоги были очень удобные в носке и настолько мягкие, что складывались и помещались в карман. С большой любовью к старцу их, видимо, сделал кто-то из колюпановских или оленевских мастеров-сапожников. Еще отметим, что со слов людей очень близких старцу, он никогда не ходил в баню и как мылся неизвестно, однако, многие посетители отмечали в келье благоухание.

Принимал старец обыкновенно лежа, как мы уже описали, но иногда сидел на скамеечке за столиком под иконами, глядя на улицу через окно.

Просители заходили в келью чаще по одному, подходили под благословение к старцу, причем часто на коленях, многие плакали, сокрушаясь о грехах. Старец клал на голову приходящего свою



В келье у старца Иоанна

святую руку или благословлял большим размашистым крестом. Потом давал приложиться к руке и в зависимости от греховного состояния человека, мог слегка ударить пальцами по губам или голове. Затем проситель кратко изъяснял свою нужду. Много не говорили. Даже словоохотливые люди становились краткими, покоряясь благодати Святого Духа, которой была овеяна вся обстановка в келье. С чем же приходили к старцу сотни, если не тысячи самых разных людей? Они обращались к нему со своими жизненными обстоятельствами, скорбями, болезнями, заботами; просили советов, молитвенной помощи. Спрашивали о судьбах

ушедших на фронт и репрессированных, о покупке или продаже дома, о нестроениях в семье, об устройстве на работу, о колхозах, о нищете, о голоде, как лечить скотину, об открытии церкви, о назначении в приход священника, испрашивали благословения на супружество, на операцию, просили молитв об исцелении недугов и многое, многое другое.

Отец Иоанн давал советы, наставления, которые всегда были немногословны, кратки, но заключали в себе глубокий смысл и были обращены к исправлению человека. Ибо слово его и проповедь *не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы* (1 Кор. 2, 4). Нередко поучения старца звучали иносказательно и приходившие не сразу понимали их смысл. Многозначительность таких поучений открывалась лишь спустя время. Слова старца были всегда проникнуты удивительным даром прозорливости, *ибо Дух все проникает, и глубины Божии* (1 Кор. 2, 10). Жизни, мысли, сердца, души просителей силою благодати Божией открывались святому. Он видел состояние души каждого подобно тому, как мы друг у друга видим лица. Казалось, от пришедшего не

требовалось никаких слов, старец и так знал все обстоятельства, с которыми пришел человек, знал и дальнейшую его судьбу. Иногда он не давал промолвить и слова, сам рассказывал, что случилось с человеком и как ему быть дальше. И все это каким-то образом заключалось лишь в одном изречении. Однако с некоторыми прихожанами, которым было очень тяжело, старец беседовал более продолжительное время.

Келья старца была настоящей духовной баней. Часто здесь были вздыхания и слезы; кроме сознания своих грехов, от человека ничего не требовалось. С людьми, впавшими в тяжкие грехи, старец был строг, часто обличал их. В особо тяжелых случаях велел молиться перед иконами, и здесь человек приходил в состояние глубокого раскаяния. Гордых смирял. Родственников репрессированных людей, особенно из духовенства, утешал, предсказывал скорое освобождение. Голодным и обездоленным подавал продукты, деньги, молился за них. Болящим давал пить благословленную им воду из местных источников, после чего наступало исцеление от самых тяжелых недугов. Иногда люди, ожидавшие приема у келии, были свидетелями, как приводили одержимых нечистым духом, и по молитвам старца они уходили здоровыми. Все, на что благословлял отец Иоанн, выходило прочным, удачным, долговечным; но если человек поступал вопреки указанию старца – не сложится дело, жди беды. Но скорби и несчастья все равно приводили человека к покаянию и смирению, только более горьким путем.

Прием обычно длился не более 5 минут и заканчивался благословением отца Иоанна. Из кельи люди уходили просветленными, с надеждой и миром в сердце, мало кто оставался неутешенным. Приходя к отцу Иоанну и видя чудеса, совершаемые им, многие укреплялись в вере, отрицались всякого греха, в их сердце поселялся страх Божий. Кто хотя бы раз побывал у отца Иоанна, навсегда запоминал эту встречу, не говоря уже о тех, кто ходил к нему на протяжении всей жизни. Вот что говорит о своих паломничествах к старцу раба Божия Александра: «Мне Бог привел побывать у старца Иоанна в Оленевке девять раз до его смерти. И каждый раз он поражал меня чудесной прозорливостью, силой исцеления и неизмеримой мудростью. Невольно напрашивался вывод, что не человеческая сила управляла старцем, а сам Господь Духом Святым. Подобные чудеса человек не может творить без действия Духа Божия. Великий человек Иоанн исцелял болезни одним прикосновением своей руки к болящему. Но не только телесные болезни исцелял он, но и душевные. Силой Божией он перевоспитывал, исправлял человеческие пороки и, как мудрый учитель, направлял в правое русло; не словами, а молитвой за этого человека. В слове он был

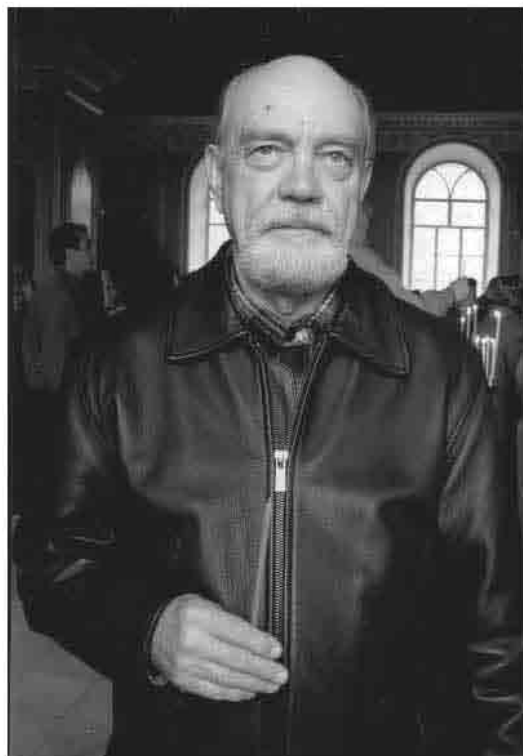
чрезвычайно краток, и речь его была чудесно лаконична, малословна, сжата, но каждое слово было глубоко и обширно»¹⁹⁵.

Но не всех принимал старец. За такой грех как убийство плода в утробе мог прямо с порога резко обличить и выгнать. За нечистоту телесную и духовную, отказывал в приеме, иногда ссылаясь на плохое самочувствие. Нерадивых прихожан батюшка укорял. Но каждый получал здесь свое, каждый прием шел на пользу человеку, вразумлял и отрезвлял его. Вот некоторые случаи подобного рода. Нина Григорьевна Носова шла к отцу Иоанну пешком из Пензы и по дороге ее одолевали скверные помыслы, от которых она никак не могла избавиться. Когда девушка подошла к келье, старец не принял ее, и отправил обратно. Одна знакомая ему женщина долго шла в Оленевку пешком, и уже дойдя до села, прилегла отдохнуть и задремала. Когда она подошла к келье и встретилась с батюшкой, он резко обличил ее: «Как ты могла заснуть, не дойдя до меня» и не принял ее. В другой раз с просьбой об исцелении безнадежно болящей жены к отцу Иоанну пришел родственник старца Семен Сергеевич Агнеин, живший недалеко от ст. Кромщино. Но батюшка сказал: «Я тебя не приму, уж больно ты матом ругаешься». Не терпел старец, когда кто курил или нюхал табак, называл их «трубокурами», часто не благословлял и не принимал их.

Очень не любил старец, когда к нему приходили из праздного интереса и любопытства, так сказать испытать судьбу. Этим особенно отличались некоторые женщины, страдающие маловерием. Таких прихожанок батюшка в шутку называл «брандахлызками» или «шелаживостками» и уклонялся от них. Часто рассказывают такой случай. Молодые девушки, узнав о прозорливости старца, отправились к нему из любопытства со словами: «Пойдем к Ивану Васильевичу, что он нам наболтает?». Когда пришли в келью, старец принял их, усадил за стол, попросил Наталью налить им чаю и выдать две ложки, сказав: «Ну вот, теперь поболтайте». Тут-то и раскрывали рты маловерные прихожанки и становились почитательницами старца и людьми глубоко верующими. Бывали и такие случаи. Скажет старец келейнику: «Шурка, выйди, спроси, кто и откуда?». Александр выйдет, спросит и передаст старцу. А он говорит, кого принять, а кого домой отправить. Или бывало так. У кельи стоит толпа людей, старец возьмет и всех отправит домой. Часть уедет, а некоторые походят, походят, да опять вернуться, их-то старец и принимал. Он знал, кто приходил к нему с настоящей нуждой или бедой, именно таких старался принять в первую очередь, им уделял больше внимания. Несмотря на строгость при встрече с некоторыми прихожанами, старец всег-

да снисходительно относился к человеческим грехам и немощам. Все его земное служение было проникнуто бесконечной любовью к людям и плачем о них.

Здесь интересны воспоминания жителя Пензы, Владимира Викторовича Дружинина. Он родился в 1930 году и происходил из



Владимир Викторович Дружинин

среды духовенства. В 1947 году мама Володи Александра Николаевна взяла его в Оленевку к отцу Иоанну. Она спрашивала старца о будущем сына и когда задала ему один из вопросов, 17-летний юноша сам видел, как старец закрыл лицо руками и зашпакал. Он скорбел о его судьбе. Разговор был продолжительным, но что говорил старец, Владимир не запомнил, кроме последних слов: «Богу послужит». Владимир Викторович прожил долгую жизнь, которую старец провидел от начала и до конца. Слезы и скорбь отца Иоанна были пророчеством о тяжелых жизненных обстоятельствах личного характера, постигших Владимира в молодости. А последние

слова старца относились к его преклонным годам – с самого открытия в Пензе духовного училища Владимир Викторович преподает будущим пастырям Церковную историю и так, по слову святого, служит Богу.

Особым уделом святой жизни старца было его церковное служение. В сентябре 1946 года закончилось его 26-летнее поприще в сане диакона. Причем диаконство отца Иоанна Оленевского было явлением исключительным в истории Церкви. Во-первых, он, еще не будучи священником, понес самоотверженный труд пастырства. Во-вторых, к нему притекали не только миряне, известны случаи, когда за разрешением епархиальных вопросов к старцу Иоанну обращались духовные лица, вплоть до епископов. В тяжелые годы гонений он негласно нес труд духовника епархии, вы-

сказывал мнение по разным вопросам и все придерживались его авторитетных советов. Одним из священников отцу Иоанну была подарена небольшая деревянная икона с изображением преподобного Сергия Радонежского, на обратной стороне – надпись: «Отцу Иоанну. В знак молитвенной памяти. Прошу Ваших молитв. Ваш недостойный молитвенник свящ. Феодор Агеев». Большим почтением старец пользовался у преосвященных Иоанна (Поммера), Феодора (Смирнова), Михаила (Постникова), Кирилла (Поспелова). Именно по инициативе Владыки Михаила отец Иоанн был возведен в сан иерея и награжден наперсным крестом с камнями. В то же время такое положение вызывало негодование некоторых духовных лиц. Еще в начале 30-х гг. известный пензенский протоиерей Николай Андреевич Касаткин был возмущен, что «диакон Иоанн Калинин в Пензенской епархии был фактически выше архиерея». Отец Николай, видимо, почувствовал себя сильно задетым, когда он, маститый протоиерей Пензы, был назначен в коннослободскую церковь с ведома оленевского диакона.

Священнический путь старца начался 2 сентября 1946 года, под закат его земного пути. Перед рукоположением им была написана автобиография, в которой отец Иоанн писал: «... проживаю в с. Оленевке, содержась на добротные подаяния, по преклонному старческому возрасту и слабому здоровью работать не мог, а в настоящее время, чувствуя себя пободрее желаю принимать участие в Богослужении в храме, не на постоянной работе, а изредка в с. Соловцовке»¹⁹⁶. Отец Иоанн был настолько немощным, что самому дойти до соловцовского храма ему было совсем не по силам. В церковь его стали доставлять на подводе и возили в основном три молодых человека, это Александр Иванович Комаров (Шурка Борисовский, 1929 г. р.), Алеша Попков (1928 г. р.) – будущий протоиерей и Шамиль (Александр) Денюшов (1933 г. р.) – из колюпановских татар. Местные татары были беженцами из Астраханской и Симбирской губерний. В 20-е – 30-е годы, при советской власти они пришли в Оленевку и осели на склоне за оленевским прудом, где жили в великой бедноте, в землянках. Местная власть много притесняла татар, забирала у них самое ценное – лошадей. Батюшка знал об их тяжелом положении, очень жалел их и всегда старался помочь. Поскольку время было голодное, старец часто носил им гостинцы или кого-нибудь посылал. За такое доброе к ним отношение, татары очень полюбили христианского подвижника, сами стали помогать ему и во всем советовались с ним. Особенно хорошие отношения сложились у батюшки с их муллой Батырханом Денюшовым. Когда нужно было ехать на богослужение в Соловцовку, старец посылал к нему за лошадью своих послуш-

ников – Шурку или Леню. Батырхан либо давал им лошадь, либо сам вез старца. Несколько позднее отца Иоанна стал возить сын Батырхана Шамиль (Александр) Батырханович Денюшов. Вскоре татары переселились из-за пруда ближе к Колюпановке и стали именоваться колюпановскими. Сегодня все три возницы старца Иоанна живы, о них еще пойдет речь ниже. Здесь только скажем, что каждый из них оставил ценные воспоминания как об оленевском старце Иоанне, так и о его времени.

В церковь старец ездил только в теплое время года – летом, весной и осенью, а зимой – очень редко. Когда послушники на телеге, запряженной лошадей, подъезжали к келейке, выходила Наталья или сам старец и его начинали собирать. Одевали рясу, скуфью, полукафтаний, если было холодно, старец одевал плюшевую скуфью с меховой оторочкой, а плечи и спину покрывал знаменитым оленевским платком, на ноги надевал опойковые сапоги. Затем отца Иоанна под руки выводили из кельи, сажали в телегу и увозили в храм. Подвода по ширине вмещала двух человек, это были старец и Шурка, а впереди сидел кучер. Бывало, едут по селу, обгонит их девка на велосипеде, старец скажет вслед: «Безстыжая», – не любил он, когда женщины на велосипед садились, да еще священника обгоняли, почитал это неблагочестивым. По пути в Соловцовку отец Иоанн проезжал уже полуразрушенную свою церковь, где прошла почти вся его жизнь. С тяжелым чувством и плачем смотрел он на нее, вспоминая ее благолепие, как когда-то совершались в ней службы, пел удивительный хор, звонили колокола, как причащались, ходили к пасхальной всенощной. Вспоминал, может быть, как посещал церковь Селиванов, и сколько труда вложил он в нее, и что теперь со всем этим стало. А еще старец, наверное, бывал в самой порушенной церкви и тогда сильно плакал, сокрушаясь о грехах человеческих, и молился, чтобы оставил еще Господь храмы на Руси, где могли бы молиться и каяться люди в злодеяниях своих. *Ибо сей праведник, живя между ними, ежедневно мучился в праведной душе, видя и слыша дела незаконные* (2 Петр. 2, 8). Но сколько бы ни закрывали, ни ломали храмы Божии, знал старец, что есть еще храмы душ человеческих. Церковь не в бревнах, а в ребрах, – гласит русская пословица. И на их-то сохранение и воздвигание он полагал все свои силы.

Наконец, экипаж приближался к церкви. Около храма старца ждала толпа верующих, он всех благословлял общим благословением. Послушники снимали его и проводили в церковь. Кроме верующих, посмотреть на зрелище собирались самые разные люди: сельские зеваки, местная молодежь, колхозники, представители

власти, разумеется, здесь были и осведомители из органов, которые описывали обстановку, считали людей, слушали проповеди и разговоры в толпе, а затем составляли отчеты, которые передавали в соответствующие инстанции.

В отчете уполномоченного по делам Русской Православной Церкви за третий квартал 1950 года о приездах отца Иоанна в церковь сказано следующее: «В

с. Соловцовка, Кондольского района священник Рыгалов для подогревания религиозного чувства верующих, а также для увеличения своей доходности, использует запатентованного священника Калинина, 96 лет, пользующегося среди верующих репутацией прозорливца. По старости Калинин уже не может принимать участия в церковных службах, но на праздники его приводят в церковь. После службы его выводят из алтаря на амвон, усаживают в кресло. Мимо него проходят верующие, кланяются ему, целуют крест и его руку. За получением советов и наставлений верующие женщины ходят к Калинину на дом с разными приношениями.

Об этих фактах на очередном приеме сообщено епископу, для принятия мер к прекращению упомянутых нарушений»¹⁹⁷.

В памяти старых людей сохранился облик оленевского старца, его священнодействие в церкви. Болезненный, древний, почти столетний старец росточком был низенький, как подросток, голова и борода – белые, белые. Весь он был худой, почти прозрачный, как живые мощи. Но в храме у него вдруг появлялись силы, он часами служил, исповедовал, благословлял. Когда батюшка принимал исповедь, ему не надо было говорить весь перечень грехов, он и так знал их, только спрашивал, кается человек или нет, и накрывал епитрахилью. Давал краткие поучения. Однажды в храм пришла Нина Григорьевна Носова со своим 5-летним сыном. Когда все встали на колени, мальчик продолжал стоять. Батюшка выходит и говорит матери: «Это потому что он у тебя в духе не воспитан».



Светильник Господень

Благословил его и добавил: «Ты его всегда на ночь крести, когда спать кладешь». Чудесным образом прозревал старец, кто приходил в храм с крестом на груди, а кто нет. Если знал, что человек пришел без нательного крестика, – выносил из алтаря, велел надеть и впредь носить и не снимать. И много еще творилось в храме чудес Божиих, когда служил святой старец Иоанн Оленевский, всех пересказать и упомянуть невозможно.

После службы батюшка лично благословлял прихожан, каждого крестил своей святой рукой. Часто старец садился в храме на табурет и благословлял сидя. Также сидя исповедовал или помазывал миром. Несмотря на заполненность храма, прихожане с благоговением и трепетом подходили по одному. Затем батюшку выводили из церкви, сажали на телегу и увозили домой. Но народ, особенно женщины, так почитали его, что порой не давали старцу прохода, обступали и целовали повозку, хватались за конский хвост. Стоял крик и шум. Бабы задавали вопросы, ждали ответа, просили благословения. Батюшка не любил этого, но понимал, насколько духовно оголодавшим, исстрадавшимся и обездоленным был теперь православный народ, и потому жалел его. Наконец, он хлопал извозчика по плечу, говоря: «Пошел, пошел» и телега сквозь густую толпу уезжала в Оленевку. Иногда же батюшка оставался на ночлег в Соловцовке в доме диакона Федора Ивановича Кондрашина недалеко от храма.

Несколько раз при выходе из храма старца пытались сфотографировать, но без его благословения ничего не получалось. Однажды, когда в соловцовской церкви отошла служба, и Шурка выводил батюшку под руки, какой-то фотограф сделал его снимок. Тогда батюшка сказал, что в ночь все пропадет. Шурка Борисовский потом специально интересовался, что же получилось. Оказалось, что все действительно пропало: негативы оказались засвеченными.

Местные власти всячески препятствовали приездам отца Иоанна. Старожилы вспоминают, что председатель колхоза Демидов Трофим Петрович однажды отнял лошадь, на которой привезли отца Иоанна и поставил ее в колхозное стойло. Когда же служба отошла, уставшего старца не на чем было везти домой. После уговоров и препирательств Демидов все-таки лошадь отдал¹⁹⁸.

Вот те основные подвиги и духовные дары нашего чудотворца, каковые он стяжал всю свою жизнь и что мы своим слабым пером попытались передать. Теперь же предоставим слово тем людям, которые сподобились радости лицезреть старца, общаться с ним и зримо ощутили его помощь во многих скорбях, принесенных безжалостным XX веком.